

Сергей
Рязанов

ЛЮДМИЛА ИВАНОВА

Хоть я никогда не играла главных ролей, но *считаю себя счастливым человеком, потому что мне довелось играть интересные роли*

Галина Волчек еще при Ефремове проявила себя как **мощный режиссер**

С **Рязановым** очень приятно работать, он любит артистов, верит в них

Наш театр «Экспромт» — островок добра на Чистых прудах

Не унывай!

Зеркало памяти

Людмила Иванова

Не унывай!

«Издательство АСТ»

2018

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Иванова Л. И.

Не унывай! / Л. И. Иванова — «Издательство АСТ»,
2018 — (Зеркало памяти)

ISBN 978-5-17-155315-9

Кто не знает Шурочку из фильма Э. Рязанова «Служебный роман»? А Клавдию Матвеевну из картины Г. Бежанова «Самая обаятельная и привлекательная» с ее неизменной фразой «Настойчивость и инициатива в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях!»? И пусть ее героини не были главными, но именно такие роли сделали Людмилу Иванову всенародно любимой актрисой. Она была, подобно Ф. Раневской и Р. Зеленой, «королевой эпизода», привнося в любой спектакль или фильм озорные, веселые нотки. Созданные ею образы мгновенно запоминались и никого не оставляли равнодушным. В этой книге актриса рассказывает о работе в театре «Современник», в котором играла почти шестьдесят лет, о своей жизни и уникальной семье, об известных актерах, о преподавательской и режиссерской деятельности.

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-155315-9

© Иванова Л. И., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Вместо предисловия	6
Детство	7
Любовь	17
Школа-студия МХАТ	18
Смерть отца	20
Жизнь продолжается	22
Поездка на целину	24
В театре Наталии Сац	25
«Современник» Олега Ефремова	26
Героем надо родиться	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Людмила Иванова

Не унывай!

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива автора и Киноконцерн «Мосфильм»

Издательство благодарит за помощь в работе над книгой Анастасию Левчук, Людмилу Некрасову, Дмитрия Томилина

- © Иванова Л. И. (наследники), 2018
- © Миляев И. В., 2018
- © Миляев В. А. (наследники), 2018
- © Коллектив авторов, 2018
- © Киноконцерн «Мосфильм» (кадры из фильмов)
- © ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Вместо предисловия

Так получилось, что мои дедушка, папа и мама работали на самых передовых рубежах науки и культуры в Советском Союзе 20-го века. Дедушка был известным полярником, участником спасательной экспедиции итальянцев на ледоколе «Красин». Теперь на севере есть небольшой остров, названный в честь Ивана Маркеловича Иванова.

Папа работал в лучшем институте физики, а его руководителем был Александр Прохоров, удостоенный Нобелевской премии за изобретение лазера. Много лет папа был активным участником бардовского движения и написал песню «Приходит время», которая стала песней века. Ее поют почти у каждого костра и исполняют в Кремлевском дворце съездов. Шуточная опера «Архимед», написанная им совместно с Валерием Канером, более пятидесяти лет идет на физфаке МГУ и была отмечена самим Нильсом Бором.

Мама пятьдесят девять лет играла в театре «Современник» – одном из самых ярких театров страны, создала театр «Экспромт», написала десятки популярных песен, шестнадцать пьес и пять книг, снялась в фильме «Служебный роман» – очень знаменитой и знаковой картине. Кстати, по этому фильму в Китае учат русский язык и знакомятся с советским образом жизни.

Людмила Иванова – народная артистка. У нее есть уважаемое почетное звание, но еще важнее народная любовь и признание, которые были при жизни. И сейчас, спустя некоторое время после ее ухода, эта любовь не ослабевает. Ко мне обращаются знакомые и незнакомые люди, часто самых простых профессий: поварахи, гардеробщицы и особенно сотрудницы бухгалтерий с просьбой провести вечера памяти, подарить ее диски и книги. Такие вечера уже прошли во всех ее любимых библиотеках и даже в Русском доме в Италии. Но очередь на них только растет. Студенты ее последнего выпуска Института театрального искусства под руководством Иосифа Кобзона поют мамины песни.

В вечерах памяти принимают участие артисты театров «Эспромт» и «Современник», близкие барды и композиторы. Всегда неизменный успех, слезы об утрате и исполнение хором любимых песен.

Есть еще 87 фильмов, многие из них периодически показывают. Конечно, «Служебный роман», «Самая обаятельная и привлекательная», «Небеса обетованные»... К счастью, Центральное телевидение успело снять часть спектаклей «Современника»: «Обыкновенную историю», «На дне», «Вечно живые». После их показа тут же в моей квартире раздаются звонки знакомых, которые с удовольствием встречаются с мамой на экране.

Друзья, коллеги и ученики мамы выразили искреннее желание написать о ней воспоминания. Тексты эти пронизаны благодарностью, уважением и любовью к талантливой, уникальной актрисе и удивительному человеку Людмиле Ивановой. Огромное всем спасибо – строки вашей доброй памяти органично дополняют книгу.

*Иван Миляев
заслуженный художник РФ,
почетный академик РАХ РФ,
профессор*

Детство

У меня было вкусное детство. Я жила летом на даче, у бабушки, и там около магазина – сельмаг, такой простой деревенский магазин – около него стояла мороженщица и продавала мороженое, но не такое, как сейчас. Мороженое укладывалось в такую кругленькую формочку на ножке. Сначала на дно формочки клали круглую вафельку, потом мороженое, второй вафелькой оно накрывалось, а потом, как куличик в песочнице, опрокидывалось на тарелочку. Самая маленькая стоила три копейки, побольше – пять копеек, и десять копеек – еще побольше. И можно было лизать между вафельек, а потом съесть и вафельки тоже. После войны мороженое возникло снова – это было возвращение мирной жизни, такое вот счастье.

Мой папа полярник, и друзья его были полярники. Адмирал Гаккель, я помню, приезжал из Ленинграда. У нас не было телефона, он приходил, убеждался в том, что мы дома, говорил: «Я скоро приду», – и через полчаса возвращался с большим пакетом «Мишек».

Я очень любила слушать разговоры взрослых. Тогда большими компаниями не собирались – это было опасно. Люди иногда доносили друг на друга, и потом кого-то арестовывали... Мой папа был ученым секретарем в спасательной экспедиции на ледоколе «Красин». Конечно, люди, участвовавшие в этой экспедиции, стали одной семьей и долго дружили.

Из вкусного я помню, как ни странно, Пасху. Мой отец был членом партии, и дядя, муж моей тетки, тоже, но на Пасху вся семья собиралась в доме у бабушки, в Лосиноостровской. Меня привозили туда заранее, и мы с бабушкой пекли куличи, самые разные: шафранные, ванильные, с изюмом, с цукатами. Это было священнодействие! У бабушки была красивая форма для пасхи, 4 дощечки с вырезанными крестами и узорами, и бабушка сама делала пасху. А яйца она красила в разные цвета, потому что у нее еще со времен НЭПа осталась заграничная краска. Обязательно была на столе ветчина, и я помню, как однажды бабушка зарезала поросенка. Это был мой любимец Снежок, и для меня это стало настоящей трагедией. С тех пор не ем поросят...

Все родственники садились за стол, и даже детям в маленькие граненые рюмочки наливали кагор, а перед иконой горела лампадка – дедушка был очень набожным. Конечно, все были нарядно одеты, а какое же нарядное платье было у меня? Матроска! Настоящая матроска с воротником. Тогда почти у всех детей выходным костюмом была матроска. И когда я из одной выросла, мама где-то достала вторую, ездила, в очереди стояла. Почему-то морская тема вообще присутствовала в костюмах, у мамы тоже было платье с вышитым якорем на карманчике. Я до войны моря никогда не видела, но после рассказов полярников мне представлялось огромное синее пространство и красивый белый корабль.

И еще, конечно, довоенное время – это мои походы с мамой в кино. Замечательные были фильмы, может быть, иногда и наивные, но такие патристические, геройские, которые нас учили и звали на стройки. Мы с мамой смотрели «Девушку с характером», и мне очень нравилась героиня – мне было приятно, что ее фамилия тоже Иванова. Фильм нас всех звал ехать на Дальний Восток. А еще был фильм «Истребители», и я так переживала за летчика, который ослеп, и там была замечательная песня, которую пел Бернес. Это все было о личностях очень справедливых, добрых, фильмы были высоконравственными, и я на них воспитывалась. А перед войной вышел «Светлый путь». Мы долго ждали этот фильм, тогда в витринах кинотеатров вывешивали фотографии фильма, который скоро выйдет на экраны. «Светлый путь» очень долго не выпускали, говорили, там были какие-то переделки, и мы боялись, что фильм вообще не выйдет. Но наконец он вышел! Это была история советской Золушки, красивая сказка.

Мама ходила в кино, как на праздник, всегда надевала красивое платье – она вообще была модной женщиной. Она не работала и ходила со мной утром на десятичасовые сеансы, поскольку вечером ее с ребенком бы не пустили, и я переживала все это, а чего не понимала, она мне объясняла. И к началу войны, когда мне было восемь лет, я уже была очень взрослым, по-моему, человеком.

Фильм «Трактористы» мы смотрели несколько раз. Замечательный фильм, который оставил глубокий след в моей детской голове. И конечно, этот фильм любили все. Ладынина и Андреев – боже мой, какие артисты! И Крючков – конечно, этот всеми любимый артист был героем тогда, он был моим идеалом, был таким надежным.

В детстве я была крайне недисциплинированным ребенком: «загуливалась» во дворе, приходила позже, чем мне было разрешено, уходила куда-нибудь далеко от дома. И не то чтобы я злостно это делала, нарочно – нет, просто не понимала, почему нельзя.

Однажды лет в шесть я ушла со двора на запретную территорию, в городок – общежитие консерватории и театральных вузов на Трифоновской улице. Заигралась с подружками в классики. Они уже убежали домой, а я все прыгала. Подходит ко мне женщина с коляской.

– Девочка, погуляй с ребеночком, я в магазин сбегая, быстро. Заплачет – соску дашь, вот здесь на подушечке лежит.

– Хорошо, погуляю.

Помочь – дело благородное. Да и интересно: настоящий ребеночек в коляске! У меня-то нет ни братьев, ни сестер. Мальчик, в голубой шапочке!

Катаю коляску. Ребенок проснулся, дала соску. Очень горжусь собой: все сумела. Только что-то женщина долго не идет. Дело к вечеру, прохладно стало, а ее все нет. Вдруг бежит моя мама:

– Ты опять за свое! Ты почему со двора ушла? Что ты тут делаешь?

– С ребенком гуляю, меня женщина попросила.

– Что?!! Да ты сама ребенок (я была рослая – может быть, женщине показалось, что мне не шесть лет, а больше)!

Мать меня ругает, но делать нечего – гуляем с ребенком вместе. Наконец она не выдерживает и катит коляску в наш двор. Собираются вокруг женщины, начинают обсуждать: кто оставил коляску, как была одета, сколько лет. Никто ничего не видел: «Ну, ясно – подкинули! Студентка какая-нибудь! Надо в милицию!»

Ребенок начал плакать. Мама моя совсем растерялась, смотрит на меня сердито:

– Все ты!

Тут во двор вбежала растрепанная плачущая женщина:

– Где мой ребенок? Ну, слава богу!

Женщины, помню, ее ругали. Она оправдывалась:

– Я экзамен бегала сдавать. Спасибо тебе, девочка!

В общем, все радовались, конечно, что мать нашлась. Дома меня даже в угол не поставили.

В Москве мы жили на Трифоновской улице около Ржевского вокзала (теперь это Рижский вокзал). Я очень хорошо помню, как начали строиться дома на проспекте Мира, тогда это была 1-я Мещанская улица. Возводились такие большие, фундаментальные сталинские дома, и проспект Мира преображался. А мы все очень любили, когда шла стройка, потому что там выкладывали пол такими маленькими квадратными плиточками, и мы эти плиточки, конечно, воровали. У нас были целые наборы – маленьких, больших, это было настоящее богатство. Мы менялись ими и прыгали в классики, поддавая ногой эти плиточки.

А в новом доме, который стоял на углу Трифоновской улицы и 1-й Мещанской, открылись разные магазины, гастроном замечательный и магазин «Соки» – там, я помню, были стеклянные воронки с соком. Томатный был самый дешевый, стакан стоил десять копеек, а еще апельсиновый, яблочный. Я очень любила томатный. Мне давали денежку, и я сама могла купить себе стакан сока – я очень этим гордилась.

А еще рядом с этим магазином открылся книжный. И вот моя мама, которая очень следила за моим воспитанием, покупала мне все новые детские книжки, которые выходили. В то время было целое событие, когда выходила новая книжка. Помню, как мы купили «Гуси-лебеди», большую синюю книжку русских сказок.

А еще мы там купили книжку, уже не помню, как она называется, – продолжение «Золотого ключика». Тогда была война в Испании, и в Советский Союз приехали дети – одни, без родителей, испанские дети. И мы все волновались, и мама мне рассказывала, и по радио мы слышали, что для испанских детей открылись специальные детские дома. И вот в этой книжке Мальвина приезжала с испанскими детьми на пароходе в Ленинград. А потом туда прилетали Пьеро и Буратино, а Карабас тоже ехал на пароходе и вылавливал своих кукол, и в первую очередь Мальвину... Это была моя самая любимая книжка. И мы знали, что фашисты победили в Испании и что Советский Союз спас испанских детей. Таким образом дети тоже узнавали о героических событиях.

Теперьшние люди совершенно не представляют, как мы жили. Большая часть интеллигенции с 1937 года побывала в лагерях, многие были расстреляны. Потом некоторые говорили, что они не знали, что творилось в стране. Я не понимаю, как это, – я знала об этом с детства. Шестилетней девочкой я однажды вошла в свой подъезд и увидела, что на втором этаже опечатаны две квартиры.

В одной из них жили мои подруги, Лиля и Ирма Дрешер. Еще вчера они были здесь, а сегодня мне сказали, что их увезли в детские дома, причем в разные, чтобы они не могли общаться...

Позже, когда мы оказались в эвакуации в селе Кундравы Челябинской области, я узнала, что там был детский дом. Нас с мамой поразило тогда, что детдомовские дети очень интеллигентные, не похожие на деревенских. Они все были наголо обриты и очень старательно учились. Мы догадались, что это дети репрессированных...

Мама моя жила в постоянном страхе, она боялась милиционеров и даже старалась не смотреть на них, когда мы шли по улице, только крепко сжимала мою руку. Потом она рассказывала, что еще в Ленинграде, в бытность отца начальником геологической партии, во время подготовки экспедиции на север, на остров Шпицберген, у них в квартире произвели обыск. Пришли какие-то люди, бесцеремонно переворачивали вещи – в квартире уже было сложено обмундирование и продукты для экспедиции. Они забрали ветровки и весь запас шоколада. Сказали, что потом вернут, но, конечно, не вернули...

Гораздо позже я узнала, что многие из участников спасательной экспедиции на ледоколе «Красин», куда входил и мой отец, были уничтожены, поскольку Севморпуть имел военно-стратегическое значение и якобы считался секретным. Первым был арестован и расстрелян Рудольф Самойлович, начальник той экспедиции. Отто Юльевича Шмидта, любимца Сталина, не тронули, но его деятельность приостановили. Как ни страшно было, но в моем доме была спрятана и до сих пор хранится фотография Самойловича.

В 1939 году отца, в то время декана факультета, уволили из пединститута и он завербовался в экспедицию в Бодайбо и оставался там до войны. Это его и спасло.

22 июня у меня день рождения. Я помню, был жаркий день на даче в Лосиноостровской. Тогда любили выносить патефоны в сады, чтобы они играли для всех, на всю улицу. Мой дядя,

младший мамин брат, который был в Севморпути радистом, всю жизнь с малых лет занимался приемниками, собирал их в спичечном коробке – знаете, есть такие любители. У него был приемник, и когда бабушка уходила из дома, он его вытаскивал в сад и включал на полную громкость. Так-то она ему не разрешала, а тут он был совершенно счастлив – на всю улицу играла музыка.

И вот, помню, где-то звучат мелодии – может быть, «Катюша», может, «Люба-Люба-Любушка» или «Эх, Андрюша, нам ли быть в печали»... И мы обсуждаем, кого из девочек пригласить на мой день рождения – ну, чтобы никто не обиделся, и получалось, что много, мы спорили, кого пригласить, кого нет.

А потом мы с мамой пошли за конфетами на станцию, магазин был на станции. Мы перешли через мост и вдруг увидели на платформе, где висел репродуктор, толпу народа, которая молчала. Меня это поразило, потому что все молчали, и какой-то мужской голос по репродуктору что-то говорил. Мы, конечно, сразу с мамой подошли, и я услышала какие-то очень строгие слова: «Без объявления войны...», «Напали...», «Перешли границу...». Я посмотрела на маму, а у мамы текли слезы по щекам. Еще какая-то женщина рядом всхлипнула и сказала: «Война...» Мама была такая испуганная, а я сразу подумала: «Это что же, у меня дня рождения не будет? А как же я Наташу не приглашу, она же меня приглашала, и Нину тоже... А что я знаю о войне, что такое война?» Я начала вспоминать, что у нас весной были какие-то учебные тревоги в доме. Объявляли это по всему дому, и управдом говорил, что если вы выйдете во двор, вас могут положить на носилки и унести в медпункт – не пугайтесь, это учебная тревога. И тех, кто выходил, быстро хватали, если они не успевали убежать, клали на носилки и несли перевязывать. Противогазы даже раздали. Вот это была война для меня. И потом я вспомнила, что испанские дети без мам и пап приехали в Советский Союз, и подумала: а вдруг и нас куда-то повезут без мам и пап? И спросила маму: «А конфеты мы не пойдем покупать?» Она меня дернула за руку и сказала: «Какие конфеты? Война началась!» И мы пошли домой.

У меня была учительница русского языка, наш классный руководитель, Галина Александровна Половинкина. Я училась у нее с пятого класса. Как-то я ее расспрашивала о войне. Оказывается, она окончила 10-й класс в 41-м году. 14 июня у них был выпускной вечер. А школа их находилась рядом с музеем Васнецова, это около Садового кольца. Вроде центр Москвы, а кругом сад, и весной соловьи поют, сирень цветет, и красивый терем – музей. Был у них выпускной бал, и танцевали они вальс, кто-то играл на пианино, и патефон был, и конечно, были объяснения в любви и первые поцелуи, а 22-го июня началась война. У них была большая дружная компания, 13 человек. И все они получили аттестаты с золотой каемочкой, тогда не было золотой медали, а были аттестаты с золотой каемочкой. Когда началась война, они решили идти на фронт. Немедленно пошли в райком комсомола, а их не взяли – им не было еще 18 лет, сказали, идите домой, ждите. И вскоре они понадобились: их отправили на строительство противотанковых сооружений под Вязьму. Там было очень много школьников из Москвы и Московской области. Они срезали пологие берега речек, притоков Днепра, делали их отвесными, чтобы танки не прошли. Копали и копали; конечно, первое время кровавые мозоли на руках были и есть все время хотелось. Приезжала кухня, горячее даже давали, суп с ржавой селедкой и хлеб. Они молодые были, все выдерживали, даже пели. И так они там работали почти до сентября. Немцы подошли уже совсем близко, каждый день были налеты, но почему-то их не бомбили, самолеты пролетали дальше, и там они слышали взрывы. И вот пришли военные и сказали, что надо немедленно собраться и идти пешком 50 километров. Предупредили, что идти придется без привала, в полной тишине, по лесам, по тропинкам. Ноги, конечно, были у всех стерты в кровь. Дошли до железнодорожной станции, с трудом сели в один из последних эшелонов и доехали до Москвы. Им повезло, им посчастливилось:

их успели вывезти. А многие погибли там, потому что, по сути дела, это был фронт. Ну, а когда они приехали в Москву, то многих уже ждали повестки. И все мальчишки ушли на фронт...

В войну я очень повзрослела и стала понимать какие-то важные вещи: например, в первый год войны узнала, что такое паника, одиночество, когда человек беззащитен и закон его не защищает. Это я поняла в теплушке эшелона, который увозил нас на Урал, к отцу. Он еще с довоенных времен был там в геологической экспедиции, прикомандированной к организации «Миасс-золото», которая в войну перешла на добычу циркония.

Моя крайне дисциплинированная мама сделала все как полагалось: взяла один чемоданчик, бумазейное одеяло, чайник и мое демисезонное пальто. Но уже ночью где-то на остановке начали влезать люди с перинами, подушками, швейными машинками... Кричали, ругали власть. Мама смотрела на них с ужасом, а мне стало ясно, что кроме моего дома, моей семьи есть еще страна, государство и люди, совсем по-другому настроенные, чем мы.

Когда поехали дальше, из Чкалова в Миасс, мы купили билеты в купейный вагон, на нижние полки. Но когда мы вошли, оказалось, что наши места заняты, люди нас обругали, проводник не защитил, и нам пришлось ехать на третьих, багажных полках без постельного белья.

Но мама никогда не скандалила, сохраняя достоинство.

Я узнала о воровстве, о взятках, о дезертирах, о людях, для которых «война – мать родна». Например, когда мы ходили в лес за грибами, очень боялись встретить дезертиров – они могли ограбить, отнять хлеб...

Конечно, были и другие люди, и думаю, их было гораздо больше.

Сначала папа привез нас в село Кундравы. Это бывшая казачья станица на берегу сказочно красивого озера, недалеко от Миасса. Все члены геологической партии жили в избе, в одной большой комнате. Спали на полу, у каждого рюкзак или чемодан и спальный мешок. Нам отвели место с краю.

Урал очаровал меня своей суровой красотой, и я полюбила его на всю жизнь. Улица, на которой мы жили, довольно круто поднималась вверх. Цепь гор, одна из них как огромная груда камней – розоватых, серых; другие покрыты травой или лесом. На каменную я любила забираться. Первый раз меня повел туда папа. Мы стояли, обдуваемые ветром, совсем близко к небу!

Я помню, как пошла в школу. Мама повела меня перед 1 сентября, а школа оказалась закрыта, и нет никакого объявления, ничего. Она поняла, что порядка не будет, и очень расстроилась. Идем мы обратно, а за нами бегут какие-то мальчишки и начинают дразнить: «А-а-а! Из Москвы драпали! Из Москвы драпали!» И мне ужасно показалось это обидно. Мать не отвечает и мне тихонько говорит: «Молчи, не смотри на них, идем». А я не могу выдержать – и язык им показала. Мать меня за руку дернула и говорит: «Я тебе что сказала?» Они опять: «Из Москвы драпали! Труссы, трусы!» Тут я опять повернулась и показала изо всех сил язык. Мать меня опять за руку дернула. Я и в третий раз не выдержала. И когда мы пришли домой, она меня разложила, и, вероятно, оттого, что ей было очень горько, она очень переживала, что мы уехали из Москвы, очень боялась этой войны, она взяла веревку и била меня так, что я потом три дня не могла сесть. Ну, я плакала, конечно, но и то не очень, и считала, что мать справедливо поступила. Я понимала, что у меня не было воли заставить себя не обращать внимания на этих мальчишек, поэтому я была виновата.

Из села Кундравы мы переехали в Миасс. Там в школе в первом классе было 60 человек – и местных, и эвакуированных, которых в город уже приехало много. Были и восьми-, и двенадцатилетние – местные ребята из бедных семей: обувь от старших освободилась, и они смогли

пойти в школу. Да еще тогда оставляли в классах по несколько лет, были и второгодники, и третьегодники.

Учительница Валентина Полуэктовна, красивая женщина с косой вокруг головы, безучастно сидела за столом, не обращая внимания на наше жужжание. Она только что получила похоронку...

В Миассе нас приютила солдатка Елена Селиванова, мы жили с ее семьей одним домом. Она отдала нам лучшую комнату со всей мебелью и бельем и снабдила кое-какими припасами: солеными грибами и огурцами из подпола, луком в красивой косичке, сушеной черемухой, которую мы мололи и пекли с ней пироги, моченой вишней. Вишня была на Урале только дикая, в садах она не росла. Ее держали в бочонке в сенах, просто в воде, всю зиму.

Тетя Лена научила маму печь хлеб в русской печке. Мама пекла семь хлебов – по одному на каждый день недели. Хлеб хранился в деревянном сундуке, тоже предоставленном тетей Леной, и почему-то не черствел.

Я гуляла одна, предоставленная самой себе целый день, ходила по горам, в лес, по берегу речки Миасс и очень любила думать и сочинять какие-нибудь сказки про себя. А потом приходила домой и часто сидела на лесенке, ведущей из нашей комнаты, как в подпол, в комнату на первом этаже (дом у тети Лены был двухэтажный). Там жила моя подружка Зоя, с которой мы сидели за одной партой. А зимой там же жил теленок, которому было холодно в сарае, ягненок, два козленка, три курицы в клетке, кошка и собака. Я увидела, что белье может быть не белым, а – для немаркости – цветным, ситцевым. Удивлялась, что картошку не варят, а жарят на воде, а потом все садятся есть из одной сковородки – и тетя Лена с Зоей, и приходящие к ним родственники. А для «вкуса» они разводили горчицу водой в блюдечке и макали в нее картошку.

Я узнала, что такое сепаратор. Тетя Лена никогда не пила цельного молока: она пропускала его через сепаратор, сливки продавала, а сами они пили снятое молоко.

Вот сколько всего узнала городская девочка, занимавшаяся в Москве музыкой и балетом и носившая до войны шелковые платица.

Мама начала работать в конструкторском бюро завода, папа почти всегда был в тайге, в геологической партии. Но все же иногда он приезжал в город на двухместной коляске, сам правил лошадей. Он брал меня с собой в тайгу. Дорога шла между гор, мимо озера Ильмень, кругом ковры трав, ромашки – не белые, а розовые и сиреневые. Я иногда просила папу остановиться: маслята росли прямо у дороги, хоть косой коси.

Ночевала на нарах в балагане, с рабочими. Балаган – это избушка, нижняя часть в земле, крыша из сосновых жердей, пол земляной. Драгой – специальной ручной машиной – мыли породу, добывали цирконы. Красивые камни, золотистые, порой темно-красные. С тех пор камни – это моя любовь. А уж когда я прочла «Медной горы Хозяйку» П. Бажова, это тем более осветилось волшебством. В память о детстве я поставила спектакль с таким названием в театре «Экспромт».

В Ильменском заповеднике папа помогал разместиться Академии наук, ученые жили сначала очень трудно, почти голодали. Папа – человек очень добрый, всегда кому-то помогал. Он был более приспособлен к жизни в трудных условиях: во-первых, геолог, во-вторых – детство и юность он провел в деревне. Ученые же в большинстве своем были абсолютно беспомощны.

Папа купил нам козу и научил маму ее доить. Мама была городской женщиной, театралкой и плакала, когда училась доить. Козу звали Музой – это мама настояла на таком имени. Козье молоко было нашим спасением. Мама на целый день уходила на работу и оставляла мне маленькую мисочку пшенной каши и кружку молока. Когда мы первый раз отпустили козу в

стадо, то весь день думали, как же мы узнаем ее – ведь они все одинаковые. Идут с горы, все розовато-серые с черной полоской на спине. Но Муза оказалась умнее нас и сама пришла к нашей калитке. Мы были потрясены и очень ее зауважали.

Огромным событием в моей эвакуационной жизни был фильм «Свинарка и пастух». Я не помню, вышел он зимой или ранней весной, – во всяком случае, город был весь в снегу. Кинотеатр один-единственный, на другом конце города. Мама дала мне деньги на билет, сама она работала с утра до вечера без выходных, теперь это, наверное, трудно понять. И я, восьмилетняя, пошла в кинотеатр пешком – конечно, транспорта никакого не было. Встала в очередь за билетами, бесконечный хвост, отстояла часа два, но все-таки попала на фильм, который доставил мне огромную радость. Это была моя довоенная Москва, Сельскохозяйственная выставка, на которую мы ходили всей семьей. Это была любовь, которую так нежно, самозабвенно, гениально сыграли В. Зельдин и М. Ладынина. Они остались для меня героями на всю жизнь, я была влюблена в них обоих и в их любовь. Музыка Т. Хренникова так легко запоминалась, так волновала, что все сразу запели эту песню – «Друга я никогда не забуду, если с ним подружился в Москве...» Потом я еще несколько раз смотрела этот фильм, моя мама понимала меня и давала деньги на билеты.

Есть фильмы, которые стали живой историей войны. Их помнят до сих пор, целое поколение выросло на этих фильмах. Пересматривая их, я сама погружаюсь в ту жизнь, плачу, смеюсь. Наверное, поэтому и теперь люди (я знаю, и молодежь) любят эти фильмы: «В шесть часов вечера после войны», «Два бойца», «Женя, Женечка и “катюша”», «Небесный тихоход», «Летят журавли» и другие. У нас в «Современнике» работал актер, герой фильма «Дом, в котором я живу». Это Владимир Земляникин. В театре «Экспромт» он играл небольшую, но очень важную роль в спектакле «Давным-давно» – губернатора. Он объявляет о начале Отечественной войны 1812 года и призывает грудью защитить Родину. Мне было так приятно, когда он вышел на сцену – и зрители зааплодировали, увидев его!

Театр и кино помогают людям жить, а на войне помогали побеждать.

В те годы очень многие люди получали похоронки.

У нас была приятельница, Прасковья Григорьевна, друг нашей семьи, папина землячка из Великих Лук. Мы дружили семьями. Очень строгая женщина, работала учителем математики. Когда школы разделили на мужские и женские, она стала завучем мужской школы и справлялась со всеми хулиганами.

Ее муж Василий ушел на фронт в первые дни войны. А сын учился в той же школе, где она работала. В школе готовили новогодний праздник, несмотря на войну. И вдруг она получает похоронку! Сына в это время не было дома, она плакала, плакала, но решила никому не говорить, чтобы не портить праздник. Пошла на новогодний вечер и даже танцевала с сыном вальс, и только на следующий день сказала, что убили его отца, ее мужа.

В войну самым дорогим был хлеб. У всех постоянно, с утра до вечера, была забота о питании. Люди меняли все свои вещи на картошку, на хлеб, на масло. Моя законопослушная мама уехала в эвакуацию в летней одежде (разрешали брать с собой только 20 кг багажа) – ни теплого пальто, ни обуви ни себе, ни мне она не взяла. Мой дедушка, который работал слесарем на Ярославском вокзале, каким-то чудом смог переслать нам зимние вещи – железнодорожники помогали друг другу. Среди вещей он положил мою любимую куклу. Мама поняла, что это большая ценность, и убедила меня выменять ее на 500 граммов масла: кукла была очень красивая, и кто-то из местных жителей смог заплатить такую огромную по тем временам цену.

Когда мы в 1943 году вернулись в Москву из эвакуации, я пошла в гости к своей любимой тетке, на 3-ю Миусскую улицу. Ее семья тоже только что вернулась в Москву. Они жили в

маленькой комнатке, у окна стояла железная печка-буржуйка, и труба выходила в форточку. Рядом большая комната не отапливалась. «Загляни, загляни!» – сказала мне тетка. Я заглянула: на гряде мебели – стол, стулья, комод – стояла черная коза и смотрела в зеркало напротив. Чернушку они привезли с собой из эвакуации, ребенку нужно было молоко.

Сама тетка вместе с соседками по дому ездила менять вещи на картошку куда-то в деревню. Ездила в валенках, другой обуви не было. Началась оттепель, она промочила ноги, у нее поднялась температура. За спиной мешок, 25 кило картошки... Они с соседками не сумели влезть в поезд и повисли на подножке. Так они висели всю дорогу, поддерживая друг друга. Тетка с благодарностью вспоминала соседок, которые держали ее, больную, и не давали упасть всю дорогу до Москвы. Эти женщины потом дружили всю жизнь.

А тетя Люся всегда ободряла меня: «Что ты, Мила! В войну куда тяжелее было! Только не унывай!»

В войну моим добрым ангелом была бабушка... Из моего одиночества в эвакуации в Москве я попала в теплые ласковые руки – мама поселила меня у бабушки в Лосиноостровской. Школа была за забором, она была вся разбита во время бомбежки. Мы учились в маленькой бывшей столовой.

К ужасу родителей, нога моя все время росла, подходящей обуви не было. Бабушка нашла под лестницей какие-то мужские ботинки с калошами. Они были мне велики, я плакала, но бабушка говорила, что это счастье – ноги будут сухими.

Мой прадед Митрофан Бордюков прошел две войны – японскую и германскую – Первую мировую. И революция, и Отечественная не миновали его дом. Юнкера прострелили окно кухни квартиры прадеда возле Сухаревой башни, а немецкой бомбой разрушило одну стену дома в Лосиноостровской, куда они переехали как раз перед самой войной. И вот прадед завел такой порядок: обувь, вышедшую из моды или просто поношенную, но еще ходовую, не выбрасывать, а складывать под лестницей – на трудные времена. А трудных времен георгиевскому кавалеру за жизнь длиною в восемьдесят лет набралось достаточно.

И вот, когда мама в 1943-м собралась в третий класс, идти ей было не в чем. Юбку как-то перешили из бабушкиной, а где взять ботинки? Война, ничего нет. И вот из-под лестницы достали сильно поношенные мужские, 42-го размера – меньше нет! Мама – рыдать, а делать-то нечего, надо идти!.. Поэтому, хоть и была она в тех ботинках похожа на настоящее огородное пугало, в школу все равно пошла так. У этой истории есть продолжение. В спектакле театра «Современник» – «Эшелон» – в роли Саввишны мама выходила на сцену как раз в мужских ботинках 42-го размера. И сразу в ее походке появлялись и война, и эвакуация, и старость. Она всю жизнь умела найти самую важную деталь костюма, которая в итоге рождала сценически абсолютно точный образ. Проблема обуви ее всегда волновала, о чем Людмила Иванова написала даже песню: «Пора ботинки новые мальчишкам покупать!»

Смешно, но некоторые привычки передаются по наследству: я нет-нет, да вспоминаю прадедушку и не выкидываю старые ботинки. И полюбил еще рисунки Ван Гога, где башмаки становятся подлинными героями картины. Жена меня, конечно, всегда ругает за нежелание расстаться со старьем, а вот георгиевский кавалер всегда чуть-чуть подсказывает. Признаться, я часто чувствую поддержку моих предков. Однажды я потерял свою любимую работу, которой было отдано 30 лет жизни. Тут и ботинки все кончились. И я нашел

старую пару, пошел к армянскому сапожнику, он не подвел. Но когда меня взяли на другую работу, я первым делом купил новые ботинки. И дела пошли!

Иван Миляев

Мы с бабушкой ходили в лес, собирали сучки и ветки для нашей маленькой буржуйки. Бабушка переживала, что мне не хватает витаминов, мы с ней собирали желуди, она молола их в кофемолке, пекла лепешки и заставляла меня их есть, хотя они были ужасно горькими.

Она очень красиво составляла букеты, почти из сорняков: травка огуречника, ромашки. Собирала несколько букетиков и шла на мост, продать на кружку молока для меня. Сама она пила морковный чай – сушила морковь и заваривала. К чаю кусочек черного хлеба, посыпанного солью. На сахарные талоны иногда давали конфеты-подушечки, она заворачивала их в бумажку и носила в кармане фартука: встретит знакомого ребенка и угостит.

Мне все время хотелось есть. И мы с бабушкой мечтали, что, когда война закончится, будем есть сколько хочешь белого хлеба с повидлом!

Все ждали, когда откроется второй фронт. В 44-м году мы начали получать американскую помощь. В посылках из Америки были очень вкусные вещи – сгущенка (это теперь она везде есть, а тогда я первый раз ее попробовала). Были также яичный порошок и бекон – такая узенькая баночка, а в ней сало.

Бабушкин дом был разрушен взрывной волной, мы жили в маленькой комнатке, в которой стояла буржуйка. В большой комнате было холодно, и когда бабушка получила заграничное мясо и копченую баранину, она все это хранила там. А я тайком прокрадывалась туда и по маленькому кусочку отрезала, не могла удержаться. Так никто и не заметил.

В посылках были и вещи, мне досталась красивая кофточка.

А еще почему-то розовый зонтик с цветами. Бабушка рассердилась – зачем нам зонтик! Но он тоже пригодился, я с ним потом в самодеятельности участвовала через несколько лет.

Вообще мы были очень рады, что открыли второй фронт.

Я ощущала, что мы боремся против фашистов всем миром, вместе с другими странами. Это было очень важно.

А потом был первый салют – наши войска взяли Белгород.

Я помню, как сидела у окна, слушала радио и смотрела на звездное небо. И мне так понравилось это название – Белгород... Говорят, что на вокзале в Белгороде есть табличка: «Белгород – город первого салюта».

Мы уже понимали, что война закончилась и что вот-вот объявят победу. И наконец – объявили! День был солнечный, трава уже зеленая. Мы побежали в школу, а нам сказали – уроков не будет, идите и празднуйте! Я пришла домой, дома мне показалось, что все как-то буднично, а мне так хотелось праздника. И я решила ехать в Москву. Надела розовое шелковое платье и новые босоножки на деревянных подметках, с матерчатыми перепонками, очень тугими, и пошла пешком к остановке троллейбуса, тогда от «Северянина» к площади Ржевского вокзала (теперь это Рижский вокзал) ходил троллейбус № 2. До остановки было километра два, и я в кровь стерла ноги этими босоножками. Тогда я сняла их и пошла босиком, а земля была еще холодная. Так босиком и села в троллейбус и доехала до вокзала. В Москве квартира, где жили мои родители, была недалеко от Рижского вокзала. Пришла домой, а там никого нет. И я почему-то взяла песенник, еще довоенный, такую большую красную книгу, вышла на вокзальную площадь, а там уже гуляли, качали какого-то военного, играли на гармонии, кто-то нес пол-литра... Я встала у магазина, открыла первую страницу песенника, а там песня о Сталине. И я стала петь! А вечером был потрясающий салют.

Меня всегда будет волновать тема Великой Отечественной войны, и я хочу, чтобы о ней знали молодые.

В 2005 году, в год шестидесятилетия Победы, мы поставили в театре «Экспромт» спектакль «Когда мы вернемся домой» (режиссер – Владимир Байчер). Название – это строка из знаменитой песни военных лет. В этом спектакле я рассказываю 15 историй, которые вы прочли в этой книге, но главное, здесь звучат песни, написанные в первые дни войны, в дни долгих ожиданий победы, песни о любви – это она помогала терпеть, ждать, побеждать в бою – Любовь!

В нашем спектакле, который с удовольствием смотрят и пожилые люди, и молодежь, поют и танцуют молодые актеры:

А. Аксенов, В. Маслаков, Н. Новгородцев, В. Токарев, В. Григоренко, Е. Федюшина, М. Богданова, Н. Красавина, И. Якубовская. Играют они в костюмах военных лет, которые придумала художница Елена Чепелева. Оформил спектакль мой сын Иван, заслуженный художник России. Грузовичок-полуполторка на сцене – это и боевая машина, и концертная площадка, как это было в те годы.

Зрители признали наш спектакль лучшей постановкой на военную тему в 2005 году.

Любовь

С детства я всегда была влюблена. Влюблялась в героев книг, а позже и в героев спектаклей.

Однажды меня повели в детский театр на спектакль «Белеет парус одинокий». Гаврика играла тетенька, еще там была девочка в розовом платице, ее тоже играла большая тетенька. Обмануть меня им не удалось. В детский театр после этого я не ходила. До той поры, пока там не появился замечательный спектакль «Друг мой, Колька», поставленный Анатолием Эфросом.

Но я влюблялась не только в героев книжек и спектаклей – я была влюблена в наш сад на даче и в кусты сирени, где прятались мои качели, в ландыши – их моя бабушка принесла из леса и посадила в тени, и в пионы, которые расцветали в мой день рождения, в июне. Когда мы уехали в эвакуацию в город Миасс, я влюбилась в Уральские горы, в лес и могла одна, в восемь лет, бесконечно бродить по берегу горной реки, подниматься по тропинке на высокую гору и сидеть на вершине, обдуваемая ветром, и думать. И мне было не скучно.

А уже в школьные годы, конечно, я влюблялась в учителей. Долго была влюблена в учителя математики – впрочем, как и все девчонки в классе. И в театр, который стал моей радостью, моим счастьем. Наша школа находилась недалеко от Театра Красной Армии, и я смотрела там все спектакли. В «Давным-давно» мне казалось, что я Шура Азарова и это я убегаю из дома на войну. Любовь Ивановна Добржанская великолепно играла – мы, зрители, плакали, смеялись. Конечно, я была влюблена в Ржевского, которого играл Даниил Сагал. А «Учитель танцев»! В Альдемаро был влюблен весь зал.

Спасибо моей маме – она была настоящей театралкой и показала мне все театры, всех знаменитых актрис и актеров. Во МХАТе я видела Тарасову, Еланскую, Степанову, Андровскую. В театре Вахтангова – Мансурову, в Ленкоме – Серову, в Малом – Пашенную, Зеркалову. И все они играли про любовь!

Я и в Большом театре слушала все оперы. Музыка тоже помогала мне жить. Я училась в музыкальной школе им. Шапорина на Самотёке. Я уже не помню, как звали учителя по музыкальной литературе, но мы называли его Сыроежкой. Он был такой невзрачный, худенький, с рыжеватыми волосами, но именно он открыл нам прекрасный мир музыки, играл и пел нам оперы, сонаты, симфонии. Однажды в мае он сыграл нам на рояле соль-минорную симфонию Моцарта. Эта божественная музыка произвела на меня такое впечатление, так взволновала меня! Я вышла на улицу, напевая. Только что прошла гроза, Неглинка «вышла из берегов» – видно, где-то прорвало трубу. Вся Трубная площадь и Самотёка были затоплены, люди шли по колено в воде. И я пошла. Вода была довольно холодная, но я шла совершенно счастливая и думала: «Пусть я даже простужусь, заболею и умру – я уже слышала соль-минорную симфонию Моцарта!»

Наверное, эта влюбленность в театр, в музыку и привела меня на сцену.

Школа-студия МХАТ

В школе я участвовала в самодеятельности. В пятом классе играла единственную красивую роль за всю свою жизнь – Весну в «Снегурочке» Островского. В мамином розовом платье, которое она купила в конце войны. Она тогда была такой худенькой, что платье пришлось мне как раз. Мама нашла на платье бумажные цветы яблони.

В восьмом классе мне доставались совсем другие роли: я сыграла Кукушкину в пьесе Островского «Доходное место», характерную роль. И вот тут я стала на сцене совсем другой, я действительно почувствовала себя Кукушкиной! И говорила: «Точи мужа поминутно: давай денег и давай! Хоть укради, а подай!» Я и дома стала другой, и папа возмущался: «Оставь ты свою Кукушкину!» Наверное, на премьере я была так убедительна, что весь наш актовый зал в школе хохотал. Меня одели в тетин халат, в руке я держала розовый зонтик, который когда-то мы получили в подарок в американской посылке с гуманитарной помощью – наконец-то он пригодился. Директор школы вызвала мою маму и сказала: «Наверное, она будет артисткой». Но я-то и так всегда знала, что должна быть артисткой!

И вот, несмотря на то, что мой любимый учитель математики Анатолий Иванович советовал мне поступать в университет на мехмат, я пошла на прослушивание в Школу-студию МХАТ. В форменном платье, с двумя косичками – сдуру я решила читать про любовь, монолог Катерины из «Грозы» (это моя любимая пьеса). Помню, читаю: «Люблю тебя! Откликнись!», плачу, а комиссия смеется. «Спасибо», – говорят. А это значит – «идите восвояси». У меня упало сердце, жизнь кончена. Вышла молодой педагог, очень некрасивая, в очках (потом я узнала, что это педагог по дикции Елена Михайловна Губанская), подозвала меня и говорит: «Девочка, мне кажется, у тебя есть способности, но ты читаешь не свой репертуар. Пойди и выучи совсем другое, что-нибудь комедийное. Ты – характерная».

В полном отчаянии я пошла писать сочинение на аттестат зрелости, сама просто умираю, ничего не хочу, в мой любимый институт меня не приняли. Однако сочинение написала, хоть и без всякого вдохновения. Но училась я хорошо и в конце концов даже золотую медаль получила. А вот что делать с репертуаром? Я ни за что не сдамся! Пошла в ГИТИС, в Малый театр – результат тот же. В Малом театре педагог Полонская сказала, что у меня разные глаза и с такими глазами на сцене делать нечего.

Нет, не сдамся! Иду мимо Дома пионеров Дзержинского района на улице Дурова. Дай, думаю, зайду – может, здесь есть драматический кружок, может, мне кто-то подскажет, какой выбрать репертуар. Вхожу. В одной аудитории, слышу, занимаются дети, стихи читают. Подождала, пока закончатся занятия. Выходит молодой педагог. Потом узнала, что это Стабилини, педагог из ВГИКа. Рассказала ему о своей беде. Он меня внимательно выслушал: «Читайте все, что знаете». Прочла отрывок из «Молодой гвардии», Катерину из «Грозы» и даже монолог Кукушкиной. «Вот что, девочка, педагоги – тоже люди. Сидят в комиссии, абитуриенты читают одно и то же, педагогам это наскучило. Их надо удивить, развлечь, обратить на себя внимание. Ты действительно, наверное, характерная актриса. Допустим, ты учишь басню Крылова “Разборчивая невеста”. Вот есть книга. Читай. Но ты не просто читаешь как автор. Представь, что ты – сваха и тебе попалась капризная невеста. Ты стараешься, предлагаешь ей женихов, а ей всё не нравится. И ты возмущена до предела, жалуешься нам – вот ведь какая! Ну-ка, попробуй!»

Пробую.

«Теперь более возмущенно, более страстно, давай. Молодец. Тебя прямо захватывает это возмущение! Вот. Иди, учи. Потом возьми прозу, например Гоголя. Поищи в “Мертвых душах” отрывок, например, как Чичиков рассматривает дам на балу. А стихи... Давай-ка возьмем поэму “Колхоз “Большевик””, там есть “Перепляс”, и ты можешь сыграть всех стоящих в кругу и пляшущих. Это трудно, но ты попробуй. А через неделю придешь ко мне».

Мы с ним встретились еще раза два, и он уехал отдыхать, а я снова пошла сдавать экзамены, потому что почти во всех театральных вузах есть дополнительный набор в конце лета. Я прошла на третий тур в Вахтанговском училище имени Щукина – там меня ободряла замечательная характерная актриса Понсова. Но мне не очень хотелось в Вахтанговское, я стремилась во МХАТ. На первом туре я благополучно прочитала «Разборчивую невесту», и мне уже не сказали «спасибо», а попросили: «Стихи, пожалуйста», – и я начала «Перепляс». Но комиссия была ко мне благосклонна, потому что еще до того, как выйти, я слушала девочку, которая читала ту же поэму. И я понимала, что она читает не так, и прямо вся измучилась, хотела подсказать ей, и почувствовала щекой, что комиссия смотрит уже не на нее, а на меня. Когда я свой «Перепляс» закончила (они слушали очень хорошо), мне сказали: «Приходите на второй тур».

А на втором туре я уже была окрылена надеждой и держалась гораздо смелее. Сидящий в комиссии народный артист СССР Василий Осипович Топорков вдруг меня спрашивает: «Девочка, ты не дочка Сухаревской?» – «Нет». – «Может, племянница?» – «Нет». – «И не родственница?» – «Нет». – «А как похожа! Ах, как я люблю эту актрису!» Я думаю, это мне тоже помогло – во всяком случае, я поступила, несмотря на то, что вместе со мной экзамен сдавали несколько очень ярких, талантливых характерных девушек: Галина Волчек, Кира Петрова.

Было много студентов старше меня. Всего нас взяли сорок пять человек, но только шестеро поступили сразу после школы. Очень многие были из театральных семей, они уже много знали о закулисной жизни театра. Я из семьи, можно сказать, учительской – папа географ, преподавал в Педагогическом институте имени Крупской, мама экономист. Мне было все внове, я знала театр только из зала. Один из моих однокурсников, с которым я очень подружилась, Саша Косолапов, уже окончивший художественное училище, относился ко мне покровительственно. Когда я утром входила в аудиторию, он спрашивал: «Ну, Милочка, что у нас сегодня в “Пионерской зорьке” было?» Я начала страстно постигать эту божественную и очень нелегкую профессию. Я, как и Галя Волчек, как и Анечка Горюнова, дочь народных артистов, как и Анатолий Кузнецов (Сухов из фильма «Белое солнце пустыни»), была в группе народного артиста СССР Николая Ивановича Дорохина, которого мы обожали.

Ректором Школы-студии МХАТ был Вениамин Захарович Радомысленский, очень мудрый человек. Он постоянно присутствовал в студии, и поскольку количество студентов чуть больше ста, он все про всех знал, следил за ростом своих подопечных, был хорошим организатором.

Папа Веня вникал в нашу жизнь, помогал нам. К нему всегда можно было обратиться за поддержкой. Когда я училась на первом курсе, у меня умер отец, а мама попала в больницу. Вениамин Захарович поехал со мной к главному врачу больницы и попросил его позаботиться о маме, потому что у меня больше никого не было, а училась я хорошо.

Он был строгим, нетерпимым к лодырям, к нерадивым ученикам, зато талантливых нянчил, пестовал, заботился о них. Он сразу понял, что Ефремов – незаурядная личность, надеялся, что Олег останется во МХАТе. Этого не случилось. Но когда Ефремов задумал создать свой театр, Радомысленский помогал ему, предоставлял помещения для репетиций, и первый спектакль Студии молодых актеров (которая и стала впоследствии театром «Современник») состоялся на учебной сцене Школы-студии МХАТ в ночное время, потому что днем там шли занятия.

Смерть отца

Первый курс. Мы занимались с восторгом. Поскольку война окончилась сравнительно недавно (шел 1951 год), все мы были еще из той эпохи. И на экзамене зимой играли партизанские этюды: пробирались по лесу, плыли на плоту (на полу лежала ширма). Галя Волчек молча, с отрешенным лицом, сидела в кафе, ей под столом передавали приемник. Мы волновались, чувствовали себя героями «Молодой гвардии».

Я сдала сессию на пятерки, причем всем помогала, подсказывала, писала шпаргалки – мой опыт хорошей учебы в школе очень пригодился. Со мной сдавать экзамены шли обычно три-четыре человека, и я каждому по листу передавала шпаргалки, они просили писать крупно и разборчиво. Сама я шла уже не готовясь – некогда было.

За первое полугодие я прочла весь список обязательной западной литературы. В школе ведь я читала в основном русскую литературу. И только в институте, благодаря профессору МГУ А. Полю, замечательному, необыкновенно талантливому педагогу, познакомилась с Бальзаком, Стендалем, Флобером.

Начались каникулы. Сдав экзамены, я сидела дома, соображая, как бы лучше провести свободное время, и вдруг к нам прибежал какой-то незнакомый человек и сказал, что напротив дома стоит мужчина, ему плохо и он зовет меня. У меня упало сердце, я накинула пальто, побежала. Прислонившись к стене, стоял мой отец. Вместе с прохожими я каким-то чудом привела его домой и уложила в постель, почему-то в свою. Мамы не было. Я вызвала по телефону врача.

Инсульт.

Пять дней отец не приходил в сознание. Инсульт, и уже не первый. Он громко дышал, и это было очень страшно. Я чувствовала полную беспомощность. Невропатолог, врач отца, тяжело болел и не ходил на работу. Я только все время думала: почему я не пошла в медицинский? Я могла бы сейчас помочь...

Я чувствовала, что теряю отца. Мать была в полной прострации от горя и ничего не предпринимала. Мы поили его из ложечки – это все, что мы могли сделать. Тогда еще не было лекарств от гипертонии, лечили ее только кровопусканием и пиявками. За день до смерти отца пришла женщина – участковый врач – и еще живому человеку выписала справку о смерти. Я обругала ее, протестовала, кричала, но она была абсолютно равнодушна. Я увидела, что по щеке отца бежит слеза, – значит, он все слышал...

Я дежурила несколько ночей, отец умер у меня на руках, при этом были еще два его любимых аспиранта, два Николая.

Отец, бывший полярник, заведовал кафедрой в Педагогическом институте имени Крупской. Он был очень талантливым, деликатным человеком. Его очень любили студенты, во время сессии они толпились у нас в квартире, готовясь к экзаменам и пересдавая.

У нас была одна комната, студенты теснились в крохотном пространстве между шкафом и печкой. Отец был строг, и с первого раза некоторые не сдавали предмет.

В молодости он работал в Ленинграде, в Институте Арктики, много раз возглавлял полярные экспедиции – на Шпицберген, на Землю Франца-Иосифа, на Северную Землю, был ученым секретарем в спасательной экспедиции на ледоколе «Красин».

Отец умер 30 января. В его институте были каникулы, и мне помогали с похоронами все те же два Николая и доцент института Данила Степанович Шарец. Он учился у моего отца, потом окончил аспирантуру, защитил диссертацию, был очень преданным человеком. Данила Степанович – белорус, и у меня с тех пор особое отношение к белорусам: мне кажется, это очень терпеливые, хорошие и работающие люди.

Была снежная зима, на мои плечи легла организация похорон. Как получить место на кладбище? Я вспомнила, что моя бабушка, папина мама, умерла в 1943 году и похоронена

на Пятницком кладбище. Один раз я ходила с папой на могилу, когда мне было девять лет. Позднее он, возможно, посещал кладбище без меня. Но почему-то я вспомнила, что бабушка похоронена на 6-м участке. И я пошла туда вместе с Даниилом Степановичем, поняв, что все должна делать сама (мать совсем слегла), и организовала похороны.

Через полгода мы с Даниилом Степановичем поставили памятник. У нас с мамой не было денег на сберкнижке, и на памятник собирали в институте. Я осталась со стипендией в двести рублей. Маме пришлось лечь в больницу, и надолго.

Я была так несчастна... Мне не верилось, что папы больше нет. Казалось, проснусь – и все это окажется дурным сном и я снова его увижу. Каждую ночь мне снилось, что он идет по улице раздетый, я боялась, что он простудится. Я подходила к его шкафам с книгами по географии, гладила корешки этих книг и жалела, что никогда не любила географию. И даже о папиных путешествиях знала не очень много...

Чтобы как-то выдержать, я поехала к подруге Майе в Монино и каждый день ходила одна в лес на лыжах, потому что природа меня всегда спасала.

Начался второй семестр. Зная о моем горе, ко мне очень по-доброму относились Николай Иванович Дорохин и, конечно, ректор студии, Вениамин Захарович Радомысленский. Но через два месяца Дорохин слег с инфарктом...

Моя любимая бабушка, мамина мама, жила в Лосиноостровской. Я училась с утра до вечера и теперь редко могла ее видеть. Вдруг выяснилось, что она больна раком, причем в последней стадии. Я переехала к ней, готовилась там к экзаменам, ездила в Москву сдавать, а когда вернулась после очередного экзамена, бабушка уже умерла... Я почувствовала, что остаюсь на свете одна.

Майя Гоголан, моя однокурсница, с которой мы делали отрывок из пьесы Шиллера «Коварство и любовь», стала болеть непрерывно и в результате ушла из института. Когда я утром просыпалась, мне не хотелось вставать, такая была тяжесть на душе.

И только томик Гоголя меня спасал, «Вечера на хуторе близ Диканьки». Эта божественная книга вселяла в меня силы и надежду. Если так можно писать, значит, человек многое может, думалось мне, и я должна выдержать.

Я часто ходила на кладбище к папе. Однажды шла, задумавшись, по деревянному мосту над железной дорогой и вдруг почти на середине моста поняла, что иду по какому-то бревну: настил разобран, мост ремонтируют. Я жутко испугалась. Внизу, далеко-далеко – рельсы. Если бы я пала духом, я бы непременно сорвалась. Я не знала, куда идти, вперед или назад. Но потом собрала всю волю, пошла вперед и дошла. Кажется, народная артистка СССР Ангелина Степанова, актриса МХАТ, сказала: «Актриса должна иметь не только талант, но и волю».

Жизнь продолжается

Я боялась педагога, который с нами занимался, Александра Михайловича Карева, не выходила делать этюды, зато много работала самостоятельно – Островский, Шолохов, Шиллер. Николай Иванович так и не вышел до конца учебного года, и молодой педагог Виктор Франке (Монюков) собрал нашу группу и наскоро сделал общий этюд, в котором мы играли французских докеров.

Я получила четверку, перешла на второй курс. Из сорока пяти человек нас осталось двадцать семь. Но зато к нам пришло пополнение: Ирина Скобцева, а на третьем курсе – Леонид Броневой. На втором курсе я кое-как справилась со своим тяжелым настроением, лечила маму и училась. У меня появился новый педагог – Василий Иосифович Топорков, мы делали латышскую пьесу «Вей, ветерок». Я была любимицей Василия Иосифовича – наверное, потому, что его я понимала с полуслова.

Я получала повышенную стипендию имени Чехова – 400 рублей, продала географические книги отца недавно открывшейся на Ленинских горах библиотеке МГУ, решив, что книги должны приносить пользу, а у меня другая профессия. Это было мое подспорье, потому что мама не работала.

Моя подруга Майя Гоголан, умница, очень верный человек, с которой мы абсолютно понимали друг друга, ушла учиться в МГУ на факультет журналистики, играла в университетском театре. Позже она написала серию книг «Прощайтесь с болезнями».

Чтобы спастись от одиночества, которое я с трудом переносила (мама часто лежала в больнице), я позвала к себе жить двух моих подруг из общежития – Танечку Киселеву и Наташу Каташеву. Мы ели манную кашу на воде, посыпая ее тертым зеленым сыром – такие маленькие головки, продавались в магазине по 14 копеек. Но жили весело. Очень поздно заканчивая учебу в институте, дома мы читали стихи, Таня любила Цветаеву и Пастернака, где-то добывала книги, которые тогда было безумно трудно достать. Наташа шила, она была гениальным модельером и обшивала бедных студенток, причем самое модное платье шила за пять рублей. Мы слушали пластинки Шаляпина и Изабеллы Юрьевой – у меня был старинный патефон-граммофон с трубой, и за полночь в нашей комнате все звучало: «Уймись, волнения страсти!...»

На четвертом курсе я заболела туберкулезом. Мама моего однокурсника Саши Косолапова, с которым я дружила, очень нежно относилась ко мне. Она была врачом в туберкулезном диспансере и помогла мне организовать лечение, не прерывая учебы, – мне очень не хотелось уходить со своего курса и отставать на год. Каждое утро я бежала в Свердловский районный диспансер на уколы стрептомицина – мне сделали сорок уколов подряд! И процесс прекратился, и я благополучно сдала экзамены.

На четвертый курс к нам пришел молодой педагог Олег Ефремов, но я, к сожалению, не попала в его группу. У меня было много дипломных работ: тетя Констанция в пьесе Леонида Леонова «Обыкновенный человек» (педагог Раевский), Ольга Петровна в «Нахлебнике» И.С. Тургенева (педагог Вершилов). На третьем курсе, когда был почти готов дипломный спектакль «Праздничный сон до обеда» («Женитьба Бальзамина»), где я играла сваху, умер Николай Иванович Дорохин. Завершила работу с нами жена Дорохина, Софья Станиславовна Пилявская, которую мы очень полюбили. Она возилась с нами, мы бывали у нее дома – я, Галя Волчек и Анечка Горюнова.

Олег Николаевич Ефремов сделал великолепный дипломный спектакль «В добрый час» по пьесе Виктора Розова. Это и был первый шаг к будущему театру «Современник».

Тогда действовал такой порядок: выпускников распределяли на периферию. Меня приглашал в Ленинград главный режиссер Театра комедии Акимов, а также руководитель Саратовского ТЮЗа Киселев. Это считалось удачным распределением, но я отказалась. Учитывая

болезнь моей матери и то, что я на четвертом курсе перенесла туберкулез, мне дали распределение в Московский драматический гастрольный театр при Гастрольбюро СССР под руководством Наталии Ильиничны Сац. Мы восемь месяцев гастролировали по Советскому Союзу, но все-таки после каждой поездки возвращались в Москву, и я могла помочь маме.

Поездка на целину

После распределения наш курс летом 1955 года выехал на целину с двумя спектаклями – «В добрый час» и «Праздничный сон до обеда». Мы передвигались на крытом грузовике, где были поставлены скамейки для людей, на втором грузовике ехали декорации. Каждый день мы давали спектакли в колхозах Курганской области и Северного Казахстана.

Поездкой руководили Михаил Кунин и Леонид Эрман, студенты 3-го курса постановочного факультета. Они организовывали и оформление сцены, и наш быт. За спектакль «В добрый час» отвечал Игорь Кваша, я отвечала за «Праздничный сон до обеда». Позже Кунин стал видным театральным деятелем, профессором Школы-студии МХАТ, а Эрман – директором театра «Современник».

Жили мы обычно в школах, поскольку ученики были на каникулах. В пустых классах ставили раскладушки, которые после выступления по цепочке грузили в машину, и они путешествовали вместе с нами. Каждый день давали спектакль в очередном колхозе или совхозе. Мы играли в клубах, если они были, или в церквях, приспособленных под клубы. Зрители иногда сидели на полу и, поскольку было очень душно, передавали друг другу большой чайник с водой и по очереди пили из носика.

Однажды мы увидели в зале молодого человека на носилках. После спектакля мы с ним познакомились. Оказалось, у него тот же недуг, от которого страдал Николай Островский. Фамилия его была Куликов, он писал детские стихи. Мы побывали у него в гостях, он подарил мне свою книжку, и я некоторое время переписывалась с ним.

Кормили нас в совхозных и колхозных столовых. Обычно еда выглядела подозрительно, и кто-то пустил слух, что готовят ее на машинном масле. Некоторые отказывались от такой еды, например Галя Волчек и Светлана Мизери порой ели только шоколад, купленный в буфете, причем плитки были старые, с белым налетом. Но они не жаловались.

Все думали, что будет жарко, взяли летнюю одежду, но когда добрались до места, оказалось, там всего семь градусов тепла. Некоторые сразу простудились, кто-то мучился животом.

На целине трудилась в основном молодежь, было тяжело, но работали с необычайным подъемом, и когда приезжал театр, все бежали на спектакль после вечерней дойки. А потом были разговоры, обсуждения. Вскоре и погода наладилась. Мы ездили целый месяц, а потом вернулись в свои театры.

...Когда сейчас видишь разрушенные колхозы, заброшенные коровники, пустые поля, думаешь: куда же все это делось?..

Летом 1957 года я приняла решение уйти из театра Сац. В том году в Москве проходил Международный фестиваль молодежи и студентов, который всколыхнул всю страну. Все распевали песню «Гимн демократической молодежи». В Москву приехали молодые люди из разных стран. В Гастрольбюро СССР мне предложили поработать на фестивале, и я с удовольствием согласилась.

Я вела концерты австрийской группы. Программа у них была очень интересная, тирольские песни и танцы. И хотя я абсолютно не знала немецкого, мы как-то справлялись. Ощущение праздника в городе не покидало нас.

В театре Наталии Сац

Когда я пришла к Наталии Ильиничне, она ахнула: «Я же не спросила, какой у тебя рост. Из тебя же четырех мальчиков можно сделать! А я собираюсь ставить детский мюзикл, мне нужен мальчик. Ну, раз уж Радомысленский так тебя хвалил... Будешь длинным деревенским подростком!»

Встреча с Наталией Ильиничной имела для меня огромное значение. Она была исключительно интересным человеком: ей, тогда восемнадцатилетней, Луначарский поручил руководство детским театром. Параллельно она заканчивала консерваторию и стала первым в мире режиссером детской оперы. Она дружила со знаменитыми композиторами и писателями, Прокофьев написал для ее театра симфоническую сказку «Петя и Волк». Как и многие деятели культуры, Сац была репрессирована, сидела в тюрьме, потом жила в ссылке, руководила театром в Казахстане, а по возвращении в Москву организовала маленький передвижной театр, поскольку в детский театр, которым она раньше руководила, ее даже не пустили.

И все-таки она добилась своего. Она была одержима идеей создания детского театра и смогла построить свой музыкальный театр. Это одно из самых красивых театральных зданий в Москве.

Она заразила меня любовью к детскому театру. В 1990 году я организовала детский музыкальный театр «Экспромт» – наверное, это проросли те семена, которые заронила в меня Наталия Ильинична.

«Современник» Олега Ефремова

Героем надо родиться

Я все думаю, откуда же мог взяться такой человек, такая личность, как Ефремов? Конечно, это определенное время, время первой «оттепели», когда люди вдруг поверили, что будет свобода, что сталинские времена никогда не вернуться, диктатура и ужасы репрессий остались в прошлом. Возникла молодая литература, мы читали Солженицына, Твардовского, Аксенова. И во всем мире был подъем литературы – Бёльль, Сэлинджер, Хемингуэй. А какая у нас была драматургия – пьесы Розова, Володина, Галича, Вампилова, Рощина, Зорина!

Огромное значение в жизни людей имела поэзия. У памятника Маяковскому читали стихи Рождественский, Вознесенский, Евтушенко. Собирались толпы народа, и самые обыкновенные жители Москвы выходили читать стихи. Звучали и Маяковский, и Есенин. Глаза горели надеждой. Появились барды: в Москве – Окуджава, Галич, Высоцкий, Визбор, Якушева, в Ленинграде – Городницкий, Клячкин, Кукин, Полоскин, Глазанов.

Был необыкновенный подъем духовной жизни. Наверное, только в это время мог возникнуть такой театр, как «Современник».

Олег Ефремов родился в 1927 году. Это значит, в 1937 ему было уже десять лет и он, конечно, знал об арестах в стране. Рос он на Арбате, жил в коммунальной квартире. Арбат – это особая страна, где испокон веков жила интеллигенция, и я думаю, что там даже среди мальчишек обсуждались очень важные вопросы жизни. Наверное, он был заводилой среди сверстников, но главная его черта – бесконечный интерес к жизни, ко всему происходящему вокруг, к окружающим его людям, а также умение сочувствовать и искать возможности разрешения конфликтов. Я не дружила с ним в детстве, но уверена, что в нем всегда превалировало благородное начало. Он часто нам повторял слова Радищева: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Я думаю, это волновало его всегда.

Говорят, что однажды в школе на уроке учительница спрашивала учеников, кто кем хочет стать, и худенький пятиклассник Ефремов в брючках до колен и гольфах сказал: «У меня будет свой театр». – «Ты хочешь быть артистом?» – уточнила учительница. «Нет. У меня будет свой театр!»

Я никогда не видела его в унылом настроении – он всегда был деятелен, в его голове рождалась масса планов, идей, задумок.

Ефремов был очень элегантным. Даже когда ходил в старом отцовском пальто, выглядел изящно – худой, длинноногий, такая графическая фигура. Нет-нет, не думайте, я никогда не была в него влюблена, но я его бесконечно уважала, восхищалась им и всегда абсолютно верила ему.

Он был живым человеком, со своими страстями, со своими недостатками. Он, конечно, выпивал, курил, был влюбчив, хотя последнее к недостаткам не отнесешь. Ефремов говорил, что не может репетировать, если не влюблен. Я слышала, что в последний год жизни, когда у Ефремова брали интервью и спросили, какое у него желание, он ответил: «Еще раз пережить большое светлое чувство».

В чем загадка? Несмотря на то, что Ефремова вряд ли можно назвать красивым, он пользовался таким успехом у женщин! Масштаб этого человека был таков, он был настолько умен, обаятелен, обладал знаниями в разных областях, живо интересовался историей, политикой, искусством, что общаться с ним было наслаждением, и никакие красавцы не могли с ним сравниться.

Олег Николаевич всегда входил в театр бодрый, аккуратный, подтянутый, с какой-нибудь задачей в глазах, которую он нам сразу же задавал. Часто бывал в веселом расположении духа, и его деятельное настроение приводило в движение и всех окружающих. Он был победителем по характеру. Победителем!

Ефремов очень много знал о нашей профессии. В школьные годы он дружил с Сашей Калужским, отец которого был актером и заведующим труппой МХАТа. Саша и привел Ефремова в Школу-студию МХАТ в 1945 году.

Олег Николаевич всерьез изучал систему Станиславского, был последователем Михаила Чехова, очень много читал. Ночами он подолгу сидел под зеленой лампой, считая, что должен читать не менее четырехсот страниц в день.

В то время МХАТ был ведущим театром страны, и хотя в пятидесятые годы в репертуар проникали конъюнктурные пьесы, все еще шли «Три сестры», которые когда-то поставил Немирович-Данченко, «Дядя Ваня», «Лес», «Анна Каренина» – мощные театральные постановки. Играли великие артисты – Хмелев, Москвин, Массальский, Кторов, Ливанов, Топорков, Тарасова, Степанова, Андровская, Еланская. Школьницей я посмотрела все спектакли МХАТа – «Воскресение», «Последнюю жертву» с Тарасовой и Чебаном, «Платона Кречета» с Болдуманом. Это была жизнь человеческого духа.

Те, кто видел дипломный спектакль Ефремова «Без вины виноватые», утверждают, что он играл Незнамова бесподобно, что это было событие. Ефремова не оставили во МХАТе, и он попал в Центральный детский театр, где прославился в роли Ивана-дурака в «Коньке-Горбунке» и где начал заниматься режиссурой.

Ефремов знал жизнь страны не понаслышке – после окончания Школы-студии он вместе с артистом Центрального детского театра Геннадием Печниковым решил пройти по России. Ехали они как туристы: можно было плыть на пароходе только туристической группой, но не менее трех человек. Записались Печников, Ефремов и еще один актер ЦДТ, Щукин – для проформы, но поехали только Печников и Ефремов.

В Ярославле они сели на пароход. Плыли по Волге, сходили на пристанях, шли в ближайший колхоз, договаривались с председателем и давали концерт. Подготовили они рассказы Чехова «На чужбине», «Жених и папенька» и другие. В начале концерта Печников рассказывал зрителям о том, как он снимался в фильме киностудии им. Довженко «Мичурин», в котором он вместе с Бондарчуком играл ходоков. Роль небольшая, но зато люди видели живого артиста, снимавшегося в кино! Их кормили, давали ночлег, иногда платили небольшие деньги – как раз на билеты на следующий пароход. Главное, молодые артисты видели жизнь народа: как трудно живут люди на селе, как отбирают паспорта у колхозников, а за тяжелый труд им платят копейки.

Я думаю, что героем надо родиться. Человек от рождения должен быть запрограммирован на подвиг – я убеждена в этом. Подвиг можно совершить где угодно: и на поле брани, и в обычной жизни. И мне кажется, что Ефремов мог бы быть вождем абсолютно в любой области. Но он стал вождем в театре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.